

И СНОВА ДЕБЮТ!

«ПИШУ ПОСЛЕ первой репетиции. Представляете, три с лишним месяца не встречался с моим «агрессором», и вот вчера, наконец, эта встреча состоялась. Мы оба делили вид, что ничего не произошло, что просто обстоятельство вынудило нас не лицезреть друг друга весьма продолжительное время. Не знаю, как это удавалось мне, а ему — явно не удавалось! О том, в каком мы оба были напряжении, говорить не приходится...».

Я держу письмо в руках, и пока смысл его до меня почти не доходит. Главное — он пишет сам, главное — он уже работает. Значит, жив-здоров, снова цел и снова на манеже Степан Исаакян — заслуженный артист Армянской ССР, создатель уникального, единственного в мире аттракциона «Экзотические животные на манеже». А ведь три месяца тому назад мне сказали: «Как, вы не знаете? Исаакяна в Ялте растоптал бегемот!». И я, холодея от ужаса, заказывала по срочной Ялту, чтобы только узнать — жив ли? Есть ли надежда? «Жив, — ответили мне из цирка, — но находится в больнице. Перелом трех ребер, множественные порезы, ушибы и кровоизлияния».

Перед гастролями в Ялте Исаакян работал в Киеве. Я писала тогда о нем, и меня поразил его аттракцион — вернее, не аттракцион, а тонко задуманный и блистательно сыгранный спектакль, в котором принимали участие два шимпанзе, аккуратенькая, точно выточенная на токарном станке зебра, голубая антилопа, две смешные черные собачки, два огромных удава, целая стайка аистов. И, конечно же, два бегемота, краса и гордость нашего цирка, Манук и Шаман. Укротитель тоже принимал участие в этом спектакле, но как же легко, как ненавязчиво и весело он исполнял свою роль! Я писала тогда, что впечатления от каждого номера люди выносят разные и зависят это от дрессировщика — от его манеры, поведения и всего построения номера. Можно унизить животное, а можно его возвысить. Выставив красавца льва в роли такой подхалимствующей москвы — или подчеркнуть прямоту и благородство его характера. Ведь цирк, как и всякое настоящее искусство, не только развлекает... И вот, если судить с этих позиций, то номер Исаакяна гуманен и благороден, потому что он демонстрирует прежде всего умение и желание животных работать с человеком-другом.

Мы много говорили тогда со Степаном Исааковичем о литературе и музыке, которыми он очень увлекается, о живописи — он отлично рисует — и, конечно, о цирке, больше всего о цирке. Об Исаакяне много писали, я знала, что он из инженерской семьи, что со второго курса института ушел на фронт, что в цирк попал случайно — как спортсмен... Но я не знала, что он воевал под Севастополем и Керчью, что был тринадцать раз ранен, что никогда раньше не дрессировал животных, даже собачек домашних у него не было... А главное — я не знала, как беззаветно, просто фанатично предан он своим партнерам — он так и называет их, без кавычек. Всем известно: воспитатель должен любить всех воспитанников совершенно одинаково. Но так бывает только на бумаге. А в жизни...

— Ах, Манук! Знали бы вы, что это за умница! Способности какие! А внешность — вы только посмотрите, что за красавец!

Мы сидим на перевёрнутом ящике в том помещении Киевского цирка, на дверях которого висит грозная табличка: «Звери. Не входить». Красавец тем временем выставил голову из воды и внимательно слушает. И, уловив момент, когда хозяин смотрит в его сторону, немедленно развевает бездонный, какой-то бесконечный рот — просит лакомства. Впрочем, это не обязательно — Манук будет вполне удовлетворен, если хозяин потреплет

его по необъятному загривку. Или почесет за ухом. Или просто снахает несколько ласковых слов: ах ты, мой маленький, умница моя, такой мальчишка славный! Оказывается, ласку понимают и любят даже толстокожие бегемоты...

— Я очень уважаю великого ученого Ивана Петровича Павлова, — Степан Исаакович прижимает к груди обе руки, — я очень его уважаю и почитаю. Но я вам должен сказать — все-таки животные думают. Ну, может, не так, как мы с вами, но думают. И переживают. Вот, например, Манук. У него, знаете, какой характер? Открытый! Все в лицо. Недоволен — не будет нападать исподтишка, нет! Нос сморщит, уши назад заведет, глаза выпучит и начинает ворчать. Будто предупреждает: слышишь, я злой сейчас! Эй, осторожнее! И вообще он нервный. Ему настроение можно чепухой испортить. Если я на манеже хоть чуть на него прикрикну, он потом, после выступления, в своей клетке часа два бесится — рычит, мечется, в воду лезть не хочет. Уж я к нему подлизываюсь, я прошу: ну, брось, Манук, с кем не бывает, ты что, шуток не понимаешь? И слышать не хочет — так огорчается...

Рядом в соседней клетке поднялся из воды Шаман — второй бегемот Исаакяна. Шаман много меньше Манука, посредине морды у него темная полоса, а шкура такая же выхоленная, светло-серая, как у Манука. Степан Исаакович задумчиво качает головой:

— Вот смотрите — тоже бегемот, с первого взгляда их по размеру только и различаешь, а характер совсем не тот. Буквоед, чиновник, пакостник. И способности не те. Вот Манук — одаренный артист, это я вам точно говорю. Налету любой трюк хватается. Вы обратили внимание — он по качелям у меня идет. Так ведь здесь два трюка соединены — качели-то не простые, а ряд тумбочек, укрепленных на качающейся доске. Манук на такую тумбочку только одну ногу может поставить. Человеку и то трудно по таким качелям пройти и не упасть, а тут бегемот, тонны живого веса... А идет! Да еще с куражем, как настоящий циркач!

Он мог говорить со своим Мануке часами — рассказывать разные истории из его жизни, анализировать его поведение. Помню, перед самым отъездом из Киева мы шли со Степаном Исааковичем и его женой и ассистенткой Тамарой по раннему-раннему городу. Шли по киевским соборам разорвали утренний розовый туман, и он повис ключьями на золоченых куполах, мокрые черные шланги в руках дворников походили на дрессированных змей.

— Вот я работаю с удавами, — сказал Исаакян и пнул ногой шланг. — Неинтересно. У них одна забота — давить, жать! И все! Не поддаются воспитанию. А вообще я убедился — на разных животных надо по-разному воздействовать. Зебра очень трудна в дрессировке, с ней нужна строгость. Обезьяны-шимпанзе нуждаются в четкой дисциплине — их баловать нельзя, моментально потеряешь власть. Собак баловать можно, они точно знают, где игра, где работа. Но я вам скажу по чести: рядом с другими животными бегемот — профессор! Вот, например, мой Манук!

Ах, как он верил Мануку! Как был убежден в его полном послушании! Когда мы с фотокорреспондентом Борисом Градовым пришли заснять «великого артиста», Исаакян просто вывел его к нам без всякой клетки или вольеры, ставил и в профиль, и в фас, а под конец уложил на бетонные плиты пола и предложил нам по очереди усесться на широкую, как тахта, бегемотью спину. Я сначала отказывалась, но он так укоризненно начал головой, так грустно говорил: «Мы с Мануком будем в большой обиде — ну почему вы нам не доверяете?», — что я, как загипнотизированный кролик, подошла и уселась на эту твердую гладкую спину, и теперь все мои друзья спрашивают, кто сделал так чисто этот фотомонтаж...

Ему говорили старые цирковые «волки»: рискуешь, Степа, если бегемот взбунтуется, — как выгонишь его с манежа? Это не медведь и даже не лев! А он смеялся: что значит Манук взбунтуется, ерунда!

И вдруг — это страшное известие из Ялты... «Что произошло в Ялте, я думаю, вам известно, — написал он. — В общем Манук не виноват...».

Он назначил репетицию сразу после переезда. Он знал: пребывание хотя бы сутки без воды выматывает этих животных, им надо было дать отдохнуть, отлежаться в прохладном бассейне. Но завтра было начало гастролей, и он изменил своему обычному правилу — прежде всего звери, их самочувствие, их настроение, потом — все остальное. Манук был раздражен, Манук кипел. А тут Шаман схлестнул — не там, где следует, лег, не сразу встал... Манук решил проучить нахала. И когда между ним и противником встал человек, Манук разъярился. Мы тоже, бывает, слетаем с тормозов, но когда такой срыв происходит у бегемота — берегись! Мгновение — и Исаакян оказался в воздухе, схваченный мощными челюстями бегемота. Удар о барьер! О решетку, ограждающую манеж от зрителей во время аттракциона! Металлическую массивную решетку потом пришлось сваривать в нескольких местах. Крики служителей и вода из брандспойта заставили Манука опомниться — он выпустил хозяина и ринулся к выходу.

Уже гудела у дверей служебного входа «скорая помощь», уже влетели на манеж санитары с носилками, но Исаакян — в крови, с переломанными ребрами — не подпустил к себе врача, пока лично не убедился, что Манук в клетке и никому больше не причинит вреда. Только после этого он лег на носилки и почувствовал — встать с них самостоятельно он не сможет...

Десять дней июня, июль, август, сентябрь... Степан Исаакян — артист советского цирка — получил все, что положено советскому гражданину при производственной травме — бесплатное лечение, деньги по состраху, отпуск, путевку. «Надо подлечиться, отдохнуть», — твердили врачи. Подлечиться — с этим было отлично, а вот насчет отдохнуть... «Я думал, думал день и ночь об одном — о нашей с Мануком предстоящей репетиции», — написал он в письме. «Брось ты к черту этого Манука, — советовали некоторые, — пока будешь работать с Шаманом, потом получишь молодого бегемота, введешь в номер».

Манука — к черту? У него дух захватывало от этих слов. Манука, его Манука, которого он получил маленьким розовым бегемотиком (кстати, Манук по-армянски значит мальчишка), около клетки которого он первые ночи спал на полу, которого сам научил всему — и сложным трюкам, и послушанию, и дружбе!.. Пусть был просчет, пусть Манук сорвался — с кем не бывает! Не может быть, чтобы он забыл своего друга, чтобы навсегда затаил в сердце злобу. Не может быть!

...Итак, аттракцион «Экзотические животные» заслуженного артиста Армянской ССР Степана Исаакяна.

Как всегда, он приходит в цирк задолго до начала. Как всегда, проверяет — в хорошем ли настроении партнеры, не грустные ли, не взбудоражены ли, не больные... Как всегда, до своего выхода он ласково треплет по необъятному загривку огромного бегемота, чешет у него за ухом, говорит ласковые слова — ах ты, мой маленький, умница моя, мальчишка хороший! Иначе Манук работать не будет, обидится. Такой уж у него характер. А характер партнера надо учить всегда — даже если у него толстенная шкура и четыре ноги!

Ирина БАБИЧ.